

Братусь Б.С., Инина Н. В., Кричевец А. Н., Подьяков А.Н., Солодушкина М. В.
Аксиологические основания позитивной психологии: философско-психологический анализ. Основные результаты выполнения проекта РГНФ № 10-06-00294. М.: Факультет психологии МГУ, 2012.

На начальном этапе работы были выделены темы для последующего критического анализа, которые в дальнейшем были структурированы следующим образом:

1. Исходные декларации позитивной психологии и их динамика. Это – противопоставление нового движения предшественникам: «обычной» научной психологии (которую в первые годы чаще, затем реже называли негативной) по сфере интереса и гуманистической психологии (интересы которой во многом совпадали с интересами позитивной психологии) по используемым методам.

2. Ценностные основания позитивной психологии. Мы исходили из представления о том, что психологические исследования позитивных переживаний и добродетелей не могут обойтись без тех или иных, явных или неявных представлений о человеке (Кричевец, 2010). Наши исследования на первом этапе показали, что для позитивной психологии проблема ценностных предпосылок оказалась очень серьезной. По большей части именно они становятся причиной дифференциации направлений позитивной психологии.

3. Методы исследований. Мы исходили из того, что стандартные количественные методы, приверженность к которым декларировали основатели движения, не слишком хорошо подходят к сфере личностных смыслов, которые стали предметом позитивной психологии.

1а. Противопоставление гуманистической психологии. Предшественником позитивной психологии является гуманистическое направление. Поворот от исследования синдромов, дефектов и нарушений к описанию достоинств, способностей и достижений был обозначен еще в середине прошлого века (Олпорт, Роджерс, Маслоу и др.). Позитивная психология представляет собой попытку включения этого проблемного поля (но не гуманистического подхода в целом) в область академических исследований (Friedman, 2008), и это включение оплачено практически полным отказом от качественных методов в пользу количественных методов исследования. Однако такая сепарация и изоляция методов, на наш взгляд, проистекает из особенностей политической ситуации в науке, а вовсе не из специфики предмета.

Гуманистическая психология имеет практически тот же предмет, что и позитивная психология, ее противопоставление определяется рядом критических замечаний. Один из главных упреков гуманистическим психологам со стороны позитивных состоял в том, что гуманистическая психология в своих исследованиях практически не использовала количественных методов, что и не позволило ей влиться в научную психологию. На фоне этого «ненаучного» подхода в выгодном свете был представлен «научный» подход позитивной психологии, основанный на количественных методах. Содержательный анализ вопроса о методах будет проведен ниже. Здесь отметим, что это отличие позитивной психологии привело к реальному ее включению в современную академическую психологию, чего не удалось добиться гуманистической психологии.

Другим важным упреком явилось то, что гуманистические психологи, по мнению позитивных, призывали человека к сосредоточению на самом себе, к развитию только самого себя, без заботы о других. «В некоторых из своих воплощений она сделала акцент на человеческом «Я» и призвала к эгоцентризму, уменьшая значимость проблемы коллективного благополучия» (Seligman, Csikszentmihalyi, 2000). На этом фоне позитивная психология представила себя как направление общественного блага. Этот упрек в значительной степени справедлив. Действительно, в позиции гуманистического направления другой субъект и социальный мир рассматриваются нередко как препятствия для развития личности, другие его смыслы и роли практически игнорируются. Во многом это было

предопределено культурной ситуацией времени зарождения гуманистической психологии, однако, как писал В.Франкл, самоактуализация, направленная на самое себя, означает промах в главном, поскольку центральной, смыслообразующей характеристикой человека является его способ отношения к другому человеку. Заметим, что, критикуя гуманистическую психологию, позитивная психология, тем не менее, опирается на ее достижения в своих исследованиях и во многом повторяет ее идеи. Например, К.Петерсон и М.Селигман считают А.Маслоу основоположником в изучении добродетелей и сильных черт, используя его описание самоактуализирующегося человека как средство для идентификации и валидации сильных черт и добродетелей. Само словосочетание «позитивная психология» также принадлежит Маслоу (Robbins, 2008).

1б. Противопоставление «обычной» психологии. В одной из первых публикаций-манифестов Селигман (2000) называет современную ему психологию «негативной психологией» и отождествляет ее с «виктимологией», психологией жертвы (Леонтьев, 2012). Д.А.Леонтьев отмечает далее, что такой резкости Селигман и его коллеги больше себе не позволяли, а резкая критика Лазаруса (2003) этого противопоставления (которая была подхвачена всеми противниками позитивной психологии) остается на его совести. В дальнейшем позитивная противопоставлялась «обычной» психологии (Леонтьев, 2012), что похоже на «обычный» рекламный ход, если учесть последующие тенденции (см. далее).

Заняв выгодную позицию «хорошей» психологии, усиленную тем, что она была предъявлена на фоне «плохой», - позитивная психология помогла своему продвижению в обществе (Held, 2005; McDonald, O'Callaghan, 2008). Критики пишут о том, что позитивная психология намеренно сгустила краски, характеризуя предшественников: нельзя сказать, что последние занимались только негативными переживаниями (Held, 2005). Тем более, нельзя однозначно ответить на вопрос о том, какие переживания стоит называть негативными (тот же вопрос правомерен в отношении позитивных) (Lazarus, 2003, 2003).

Интересный пример представляет собой работа Селигмана и Петерсона над классификатором «Ценности в действии» (VIA), который противопоставлялся «Диагностическому и статистическому руководству по психическим расстройствам» (DSM). В работе Солодушкиной (2012) указано, что противопоставление в одном вопросе сопровождалось полным сходством в другом. Как указано в работе (McDonald, O'Callaghan, 2008), главная проблема DSM заключалась даже не в том, что в нем много внимания уделялось болезням, но в том, что оно стало слишком грубой попыткой классифицировать психические расстройства, не учитывающей того факта, что течение болезни в каждом случае индивидуально. DSM задала стандарт здоровья, сделав обязательным соответствие ему, но многие люди, пытаясь соответствовать, по словам Л.Макдональда и Дж.Каллагана, терпели неудачу и часто «с катастрофическими последствиями». Точно так же К.Петерсон и М.Селигман в книге «Сильные черты характера и добродетели: справочник и классификация» провозгласили идеал, для многих недостижимый. По сути, была создана новая система стандартизации, предписывающая «тот или иной тип членства и участия в более широком экономическом и социальном дискурсе». Л.Макдональд и Дж.Каллаган уверены, что система К.Петерсона и М.Селигмана – это очередной «нормативный инструмент для селекции, контроля и дискриминации на рабочих местах».

В статьях А.Поддякова показывается, что сохранять исходные идеологемы (беспроектные игры, переходы от положительных к еще большим положительным уровням благополучия) позитивной психологии можно только в ограниченных областях исследований, границы которых постоянно пересекают сами ее создатели.

В этих работах проведен анализ того, как относятся к преднамеренному злу и к его носителям представители психологических подходов, изучающих счастье и процветание, каковы особенности и динамика этого отношения. Проблема состоит в том, что в зависимости от степени благополучия/конфликтности отношений, доминирующих в обществе и в окружающем мире, возникает проблема такой организации благополучия и счастья, которой не страшны действия негативно, враждебно настроенных субъектов

(грабителей, международных террористов, внешних оккупантов и т.д.), активно мешающих процветанию. (Большинство наук, изучающих те или иные явления и процессы в своей области, исследует и факторы, способствующие разворачиванию этих явлений и процессов, и факторы, мешающие, подавляющие, - возникает вопрос, как это изучение проводится позитивной психологией в соответствии с ее ценностными основаниями.)

Показано, что в настоящее время можно выделить следующие типы отношения представителей психологии счастья и процветания к преднамеренно совершаемому злу и его носителям.

1) Предлагается перевоспитание врагов и игнорирование тех из них, кто не хочет перевоспитываться.

2) Другим авторами выражается понимание того, что "нельзя жить здоровой и наполненной жизнью в больном мире, зараженном преступлениями, коррупцией, несправедливостью, угнетением и нищетой", "зло может разрушать индивидов и общества, подобно раковым клеткам" (Wong, 2011). При этом тема изучения данных негативных явлений, которые являются причиной невозможности полноценного благополучия, не обсуждается, поскольку «не входит в предмет позитивной психологии» и «способна размыть ее идентичность» (там же).

3) Селигмановское направление позитивной психологии демонстрирует гибкое прагматическое отношение к постановке и обсуждению проблемы зла. В условиях благополучия декларируются ценность беспроблемных игр и отсутствие интереса к динамике в зоне неположительных чисел (интересуют только переходы от положительных к еще большим положительным). В условиях же обострения общественно-политической и экономической ситуации осуществляется быстрый переход к риторике обоснования глобальных угроз, возврат к клинической модели и создание системы подготовки профессиональных борцов со злом, физически уничтожающих носителей угроз, – но в рамках передовой позитивной психологии, «монумента психологии будущего», по выражению П.Селигмана.

При этом психологический анализ структуры деятельности по физическому уничтожению противника и анализ ее центрального отношения - отношения к этому противнику - по видимости, не проводится. Также не проводится анализ целей, отношений, стратегий тех субъектов, которые противостоят "нашим" бойцам (хотя эффективная борьба без этого анализа невозможна). Точнее говоря, на основе открытых статей о практической эффективности развернутой программы можно предполагать, что указанные проблемы вряд ли игнорируются на уровне реальной подготовки - но замалчиваются в текстах, поскольку их обсуждение тоже размывало бы идентичность позитивной психологии.

В целом, возглавляемая М. Селигманом ветвь позитивной психологии в рамках реализуемого им в последние годы проекта «Всесторонняя солдатская подготовка» в сотрудничестве с Министерством обороны США, к настоящему времени сумела: а) гибко вернуться к пафосу «клинической модели», апеллирующей к чрезмерно большому числу отклонений и еще недавно критиковавшейся Селигманом за "негатив"; б) обратиться к той работе (войне), которую, по Селигману, следует отнести к грязным (ранее он критиковал прежние, «допозитивные» общественные науки за то, что они «выполняют грязную работу — ищут средства для борьбы с явлениями, затрудняющими нашу жизнь» (Селигман, 2006, с. 342); в) добавить к изучению счастливого процветающего субъекта исследование человека, занимающегося физической ликвидацией врагов и требующего в связи с этим специфической психологической подготовки, поддержки, последующей реабилитации - и всё это в рамках позитивной психологии.

Мы исходим из того (и это признает и Селигман), что государству нужна мощная военная защита, а вооруженным силам, военнослужащим необходимы разработки психологов. При этом совладание с преднамеренно созданными противником трудностями (а именно они - основные на войне) радикально отличается от совладания с трудностями, возникшими в силу естественных, ни от кого не зависящих причин. И даже если мы

работаем только с людьми, совладающими с трудностями, то для того, чтобы понять особенности этого совладания и поведения в целом, надо понять особенности тех трудностей, которые этим людям созданы, понять поведение того, кто эти трудности создает, – понять, пусть даже это и не входило в исходные задачи позитивной работы.

Роль защитника от деструктивной агрессии часто предполагает альтернативный альтруизм: человечность по отношению к одним (защищаемым) за счет бесчеловечности по отношению к другим (нападающим), – бесчеловечности, поскольку убийство человека бесчеловечно по отношению к нему (а в экстремальных ситуациях речь идет об убийстве) (Поддьяков, 2007). В альтернативный альтруизм может входить также и бесчеловечность по отношению к себе. Защита Родины, борьба с терроризмом, преступностью, самоотверженная защита другого человека от чужой нефизической и физической агрессии и т.п. – примеры такой деятельности.

Таким образом, провозглашенные при организационном оформлении движения позитивной психологии идеи были нереалистичными (что идеям свойственно) и, с другой стороны, продуктивны и своевременны – как организующие смысловые ориентиры для массового движения.

2. В статье «ценностно-перформативное измерение психологических теорий» (Кричевец, 2010) показано, что психологические теории личности всегда опираются на явный или неявный ценностный базис, а теоретические тексты явно или неявно ставят задачу изменения своего читателя. В книгах по позитивной психологии отчетливым знаком их преобразующей интенции могут служить встроенные тестовые методики, позволяющие читателю оценить себя с точки зрения автора текста и понять направления, в котором ему следует развиваться. Позитивная психология как наследница гуманистического подхода унаследовала также и эту проблему: оппозиция «объективное описание – нормативное задание» отчетливо проявилась еще на заре гуманистической психологии, когда гуманистический подход признавался «нормативной социальной психологией», но методологическое новаторство «замазывалось» отсылками к объективности метода (Maslow, 1971, Маслоу, 1997). Отметим, что нормативный аспект позитивной психологии плохо осознан ее авторами.

Наше исследование показало, что позитивная психология представляет собой эклектическое соединение принадлежащих различным традициям ценностных и этическо-моральных установок. Так, эвдемонистическое направление названо так в связи с этикой Аристотеля, причем ориентация на количественные методы (в основном – расчеты корреляций) оставляет в тени важную ее тему – учение о добродетелях как средних между крайностями позиций (зависимости такого рода никак не могут быть доступны корреляционным исследованиям). «Поток» Чиксентмихайи может быть ассоциирован с философией жизни, а мотив самоактуализации с гуманистической тенденцией западной культуры в целом. То что «поток» с позиции этики оценивается неоднозначно, признают и сами позитивные психологи (Поддьяков, 2012), однако эта проблема лишь констатируется без какого-либо дальнейшего развития. По нашему мнению, сопровождающее деятельность чувство «потока», как и рядоположенные добродетели, на самом деле сложно взаимодействуют между собой, и их структуры следовало бы пытаться описывать более сложными, чем линейные структуры с полюсами «лучше-хуже». «Поток», например, может соединяться с игровой зависимостью (Бонивелл, 2009), и это еще не самое худшее сочетание (М. Чиксентмихайи пишет, что в состоянии потока, позитивных эмоций и даже счастья пребывали, вероятно, и маркиз де Сад, и простой китайский рубщик мясных туш, и зрители гладиаторских боев, и воины Золотой Орды (Чиксентмихайи, 2011)).

В нашем исследовании проведен анализ наиболее важного из внутренних расхождений направлений позитивной психологии – расхождения «гедонистической» и «эвдемонистической» ориентации в осмыслении позитивности как таковой. Сфера интересов «гедонистического» подхода – это субъективное благополучие, т.е. переживаемые удовлетворенность жизнью, оптимизм, счастье и т.п. «Эвдемонистическое» направление

отходит от первого в сторону более тонкой интерпретации этих переживаемых качеств – оценивая их со стороны этической и духовной сферы. Отметим, что трактовки аристотелевской эвдемонии в основных текстах довольно поверхностны. И. Бонивелл ссылается на статью (Waterman A.S. et al, 2008), которая, в свою очередь, ссылается на книгу (Norton, 1976), к которому сходятся и остальные из прослеженных нами цепей ссылок. Это довольно типичная ситуация.

Между тем, понятие эвдемонии заслуживает более внимательного отношения. Бонивелл пишет: понятие эвдемонии (греч. eudaimonia от daimon — истинный дух) ввел еще Аристотель (Бонивелл, 2009, с.61). На самом деле оно гораздо более раннее. Слово daimon, от которого оно образовано, использовалось греками в разнообразных контекстах по-разному. Например, Сократ ссылался на своего daimon'a (обычно переводится как гений) как на внутренний голос и духа-хранителя одновременно. Даймон прямо предостерегал его от серьезных ошибок. Однако во времена Аристотеля связь eu-daimonia, по-видимому, уже не осознавалась, как не осознается таковая в русском «с-частье» (А.В.Ахутин). Вообще, позитивная психология слишком мало внимания уделяет своим философским предшественникам, что признают и сами позитивные психологи (Бонивелл, 2009).

Само по себе введение понятий «добродетель», «духовность», «мудрость» в психологические исследования (Эммонс, 2004) ставит весьма трудные методологические проблемы, связанные с отсутствием согласия об их значении и общепринятых определений (Robbins, 2008). На полюсе первого направления – возможность смелого использования количественных методов в эмпирических исследованиях, но очевидная неоднородность лежащих за ними смыслов (Ryan, Deci, 2001), на полюсе второго – трудности культурно и идеологически независимого определения важнейших понятий и использования количественных методов, в то время как их применение провозглашалось основателями движения как одна из его отличительных черт. Исследование показало, что несмотря на определенные усилия, важнейшие понятия позитивной психологии не образуют систему (Бонивелл, 2009), и вероятно, именно поэтому гедонистическая и эвдемонистическая линии могут пока сосуществовать.

В статье «Античные греки и позитивная психология» проанализированы античные представления о счастье и благополучии. На примере известной истории о Крезе и Солоне показано, что для греков счастье было понятием антиномичным, отражавшим как внутреннее переживание благополучия (как и у Аристотеля, здесь также важна умеренность) и внешнюю оценку добродетельности жизни. Обе оценки получают окончательный вид только после смерти оцениваемого. Сам Селигман в качестве примера приводит оценку Л.Витгенштейном на смертном одре своей жизни как прекрасной (в то время как, судя по опубликованным дневникам, чувством благополучия она не сопровождалась). Но оценка жизни в целом в позитивной психологии не является темой исследований.

В упомянутой статье приведена «типология» оптимизма в различных контекстах. Позитивная психология не различает оптимизм «ближнего действия» (вера в то, что «все наладится»), оптимизм трансцендентный (вера в посмертную оценку и возможное воздаяние) и «абсурдный» оптимизм (который отчетливо выражен в экзистенциализме середины XX века. Разобраны некоторые следствия этого неразличения. Проанализировано взаимодействие оптимизма и жизнестойкости в различных социальных средах.

Проведен также анализ «проблемы эксперта» по отношению к мудрости, добродетели, духовности. Описывая теорию стадий развития эго (Дж. Левинджер), Д.А.Леонтьев утверждает: чем выше стадия, которую мы изучаем, тем более вероятно, что изучаемые объекты выйдут за рамки понимания психолога, и как было эмпирически показано, не может изучать более высокую стадию тот, кто находится на более низкой (Леонтьев, 2011). Эта проблема имеет совершенно общий характер, и сам по себе научный метод не может спасти от того, что исследуемые конструкты осмыслены только для экспертов, достигших определенного уровня развития. Таким образом, перед психологией, изучающей «высшие устремления» и иные подобные «предметы», стоит выбор между

массовостью и научной (интерсубъективной) значимостью, с одной стороны, и понятийным схватыванием действительно высоких уровней развития человека, с другой.

Методологическая проработка этой темы в позитивной психологии полностью отсутствует.

3. Используемые методы исследования. Подавляющее большинство исследований в обработке данных ограничиваются корреляционным анализом (эту характерную черту позитивная психология разделяет с современно «обычной» академической психологией). Научное сообщество прекрасно осознает, что такой дизайн исследования не позволяет говорить о последствиях изменения одной из переменных для другой коррелирующей с ней переменной. Так, установленная корреляция между оптимизмом и успешностью деятельности не позволяет надеяться, что выученный оптимизм ранее пессимистично настроенного человека улучшит его результаты по шкале, сильно коррелирующей с оптимизмом. Очевидно, что эта надежда не только логически, но и психологически сомнительна. В книге Селигмана (2006) приведен лишь один эксперимент, в котором установка (допустимо считающаяся ситуативным аналогом оптимизма) является управляемой переменной, т.е. выводы о большей успешности данного действия при позитивной установке имеют и практическое значение. Однако ясно, что перенос этих результатов на более естественные контексты и на более продолжительные периоды времени (в особенности на жизнь в целом) нуждается в дополнительном обосновании. Лазарус (2003) отмечает не менее важный, но пока плохо осознаваемый дефект корреляционных и факторных исследований: в них изучается лишь популяционная изменчивость, и проекция полученных результатов на внутренний мир респондентов проблематична и нуждается, по крайней мере, в очень внимательном контроле.

Что касается данных, с которыми оперирует психология мудрости, добродетели и высших устремлений (не только позитивная, но и «обычная»), то, на наш взгляд, они требуют серьезной качественной обработки, прежде чем могут быть подвергнуты обработке математическими методами. Таким образом, наилучшим методологическим подходом для проблем такого рода был бы качественно-количественный подход. В западной психологии он только пробивает себе дорогу.

4. Кроме исследований, которые подводятся под заявленную в начале данного пункта отчета тематическую рубрикацию, надо упомянуть также заявленные на начальном этапе, но оказавшиеся не столь интересными темы. Так, исследования по теме «позитивная психология развития и педагогика» показало довольно слабую выраженность собственно позитивной темы в нынешнем периоде по сравнению с исследованиями прошлого века. Интереснее наши результаты в сфере психотерапии.

В подготовленной к печати статье Н.В.Ининой рассмотрены психологические предпосылки распространения позитивного мировоззрения в современном обществе: естественное стремление людей к счастью наряду с представлением о его достижении как технологическом процессе. Проведен анализ экзистенциальной и инструментальной сторон позитивных переживаний. Описаны место и роль негативных переживаний, таких как горе, страдание, страх, тревога и др. Отмечены их роль как важнейших, наряду с позитивными переживаниями, регуляторов развития личности. Показаны последствия игнорирования негативных состояний и переживаний для полноценного формирования личности.

Аннотация основных результатов

В процессе исполнения проекта были произведены исследования, группирующиеся вокруг следующих тем:

1. Исходные декларации позитивной психологии и их динамика. Это – противопоставление нового движения предшественникам: «обычной» научной психологии (которую в первые годы чаще, затем реже называли негативной) по сфере интереса и гуманистической психологии (интересы которой во многом совпадали с интересами позитивной психологии) по используемым методам. Было показано, что категоричность

противопоставления «обычной» психологии была смягчена интонационно и преодолена фактически на протяжении десятилетия развития позитивной психологии.

Показано, что постановка практически важных проблем заставила ее также выйти за рамки исследований чисто позитивных проблем позитивными методами. Проблема состоит в том, что в зависимости от степени благополучия/конфликтности отношений, доминирующих в обществе и в окружающем мире, требуется такая организация благополучия и счастья, которой не страшны действия негативно, враждебно настроенных субъектов, активно мешающих процветанию. Противник, целенаправленно стремящийся навредить позитивно настроенному обществу, либо должен игнорироваться, либо должен быть рассмотрен вне позитивного партнерства. В последнем случае целостность позитивного подхода нарушается. С этой позиции проанализирован ценностный «фон» практического проекта М.Селигмана по позитивной психологической подготовке американских солдат.

Исследования показали также, что количественные методы, использование которых отличают позитивную от гуманистической психологии, недостаточны для исследований высших уровней личности.

2. Ценностные основания позитивной психологии. Наше исследование показали, что для позитивной психологии проблема ценностных предпосылок исследований оказалась очень серьезной. По большей части именно они становятся причиной дифференциации направлений позитивной психологии, наиболее важное из которых – разделение «гедонистического» и «эвдемонистического» подходов к исследованию благополучия.

Проанализированы проблемы, встающие перед исследованием счастья, добродетелей и мудрости. Позитивная психология совершенно недостаточно учитывает тысячелетний опыт философии в исследовании указанных проблем. Именно поэтому многие понятия позитивной психологии (мудрость, добродетель, счастье, оптимизм) проработаны недостаточно. В частности, применяемые корреляционные методы, фиксирующие линейные связи между переменными, вступают в противоречие с декларацией о следовании этическому учению Аристотеля, для которого добродетели часто соответствовали срединным положениям на используемых для описания шкалах. Показано, что под словом «оптимизм» скрываются совершенно разные мировоззренческие позиции. Показано, что используемые переменные нелинейным образом взаимодействуют.

3. Проанализированы методы исследований, применяемые позитивной психологией. Показаны недостаточность корреляционных и факторных методов для получения практически важных результатов в сфере ее интересов.

4. Рассмотрены психологические предпосылки распространения позитивного мировоззрения в современном обществе: естественное стремление людей к счастью наряду с представлением о его достижении как технологическом процессе. Проведен анализ экзистенциальной и инструментальной сторон позитивных переживаний. Описаны место и роль негативных переживаний, таких как горе, страдание, страх, тревога и др. Отмечены их роль как важнейших, наряду с позитивными переживаниями, регуляторов развития личности. Показаны последствия игнорирования негативных состояний и переживаний для полноценного формирования личности.

Библиографический список публикаций, подготовленных в рамках проекта

1. Братусь Б.С., Инина Н.В. Вера между сознательным и бессознательным // Проблема здоровья личности в теоретической и прикладной психологии. Материалы международной научно-практической конференции. Владивосток, 15-19 сентября 2011. ГОУ ВПО «Владивостокский государственный медицинский университет» (ВГМУ), Факультет клинической психологии. Владивосток, 2011. С. 84–88.

<http://www.medpsy.ru/library/library090.pdf>.

2. Братусь Б.С., Инина Н.В. Вера как общепсихологический феномен сознания человека // Вестник Моск. ун-та. Сер.14. Психология. 2011. № 1, С. 25-38.

http://www.psy.msu.ru/science/vestnik/archive/vestnik_2011-1.pdf.

3. Братусь Б.С., Инина Н.В. Пространство веры как составляющая сознания человека // Психология сознания: современное состояние и перспективы. Материалы II всероссийской научной конференции 29 сентября - 1 октября 2011 г., Самара, ПГСГА, Самара, 2011. С. 14–20.

4. Кричевец А.Н. Античные греки и позитивная психология // Проблема здоровья личности в теоретической и прикладной психологии. Материалы международной научно-практической конференции. Владивосток, 15-19 сентября 2011, ГОУ ВПО «Владивостокский государственный медицинский университет» (ВГМУ), Факультет клинической психологии, Владивосток, 2011. С. 34 – 41. <http://www.medpsy.ru/library/library090.pdf>.

5. Поддяков А.Н. Психология счастья и процветания и проблема зла // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Под ред. А.Л.Журавлева, А.В.Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 109–136. http://www.hse.ru/data/2013/01/16/1303107047/happines_and-evil-doing.pdf.

6. Поддяков А.Н. Позитивная психология и проблема зла // Психологические исследования. 2012. № 22. <http://psystudy.ru/index.php/num/2012n2-22/659-poddiakov22.html>.

7. Солодушкина М.В. Позитивная психология: успехи, проблемы и перспективы // Психологические исследования. 2012. № 24. <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n24/709-solodushkina24.html>.